

Александр Ковальский

ЛОВЕЦ ЖЕЛАНИЙ

Александр Ковальский

Ловец желаний

«Издательские решения»

Ковальский А.

Ловец желаний / А. Ковальский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836779-3

Каждое искренне высказанное желание достойно того, чтобы быть исполненным. Вопрос в том, какой ценой достанется награда. Стоит заплатить или лучше держаться мудрой поговорки, которая советует бояться «сбычи мечт»? Особенно если на кону твоя собственная жизнь.

ISBN 978-5-44-836779-3

© Ковальский А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ловец желаний

Александр Ковальский

*На самом деле мне правилась только ты,
Мой идеал и мое мерило.
Во всех моих женицах были твои черты,
И это с ними меня мирило.
Пока ты там, покорна своим страстям,
Летаешь между Орсе и Прадо, —
Я, можно сказать, собрал тебя по частям.
Звучит ужасно, но это правда.
Одна курноса, другая с родинкой на спине,
третья умеет все принимать как данность.
Одна не чаёт души в себе, другая – во мне
(вместе больше не попадалось).
Одна, как ты, со лба отдувает прядь,
другая вечно ключи теряет,
Аа что я ни разу не мог в одно
Все это собрать —
Так Бог ошибок не повторяет.*

Д. Быков

© Александр Ковальский, 2017

© Ольга Вернёв, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-6779-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В пестро раскрашенной деревянной будочке у входа в парк Михель купил билет, на последние медяки, которые перед тем долго собирал и пересчитывал – хватит ли. И пока он рылся в карманах сперва выдавшей виды короткой кожаной куртки, а потом и в холщовой сумке, широкий ремень которой оттягивал плечо, собравшаяся перед будочкой жиденькая толпишка любителей утренних гуляний взирала на него с презрением и плохо скрываемой жалостью. Того и гляди, кто-нибудь подойдет и протянет монетку. Слава богу, обошлось.

Он расплатился в кассе, отошел подальше, туда, где над посыпанной мелким гравием дорожкой нависала густая крона каштана, и там еще раз поглядел на синий квадратик картона. На нем была оттиснута чернильным штемпелем сегодняшняя дата, а еще указывалось, что билет дает право «гуляния в городском парке без ограничения во времени, но без права катания на увеселительных каруселях». Как будто карусели бывают не увеселительными. А то бы он покатался.

Билет предстояло сдать потом вместе со всеми бумагами, потому что казенные расходы всегда должны возмещаться, а он не такой дурак, чтобы дарить собственному начальству пускай даже пять грошей.

Налетающий от близкой реки ветер пах сладко и влажно, с каштана сыпались на гравий розово-белые лепестки.

Очередь глазела.

Он был так же неуместен здесь, как чудище, выползшее из ночных кошмаров и стоящее посреди людной площади с сахарным петушком на палочке и воздушным шариком в руке.

Жалко, что ему не до воздушных шариков. Он всегда любил смотреть, как уносится в бескрайнюю небесную синь яркая капля, заключающая в себе твое собственное дыхание. Где-нибудь там, в поднебесье, тонкая резина шарика лопается, и оно летит дальше, выше и выше... нет лучшего способа донести до бога все, что ты хочешь ему сказать. А костелы придумали идиоты.

Ладно, хватит развлечений.

Он пошел.

В самом дальнем углу парка, где даже не считали с дорожек прошлогоднюю листву, он нашел сухую и относительно чистую скамейку. Здесь был обрыв, внизу, за кустами сирени и бурьяном, несла свои воды Става – прямая и узкая в городских пределах, похожая на стремительную ленту серого шелка, обшитая гранитом набережной. Кругом стояли в весеннем обморочном молчании ясени и тополя, еще с десятков высоких мачтовых сосен с почти черной иглицей, и было слышно, как шуршат под налетающим ветром черно-коричневые сухие листья минувшей осени.

Он сел на скамейку, откинулся к неудобной спинке и закинул голову вверх. Там было черное кружево ветвей, неправдоподобно синее небо, белые перья облаков и нежный дым юной листвы. Вот и славно. Сидеть, смотреть и ни о чем не думать. Когда захочется – закрыть глаза и будто плыть в этом всем. Пока не начнет клонить в дрему.

Он едва не проспал.

Так всегда случается после долгого перерыва. К тому же, очень уж здорово было сидеть, подставив лицо солнцу, ветру и небу. И поэтому он не сразу услышал шаги маленьких шустрых лап по гравию, по звонкой сухой листве, и царапанье коготков по доскам скамейки, а потом по своим собственным рукам и ногам не сразу ощутил тоже.

Но они были уже здесь. В отличие от людей, эти твари никогда не промахиваются и не ошибаются тоже почти никогда. Иначе их бы давно не осталось на свете.

Выдирая себя из липкой, такой приятной дремы, он чувствовал, как одна тварь ползет по рукаву куртки, взбирается на плечо. Он ощущал на шее ее дыхание – осторожное, как вздох невесты перед алтарем. Вторая тварь сидела на скамейке, примеряясь к венам на запястье опущенной руки, третья была за спиной и тоже метила в шею, но нервничала и задевала острыми коготками его собранные на затылке в хвост волосы. Видимо, как раз от этого он и проснулся. Будь благословенна, маленькая неловкая дурочка.

Но он не ожидал, что их будет... столько.

Несколько быстрых, до мелочей выверенных движений – и они все, все три, трепыхались в его руках. В ярком свете весеннего дня их почти невозможно было разглядеть, и со стороны, должно быть, казалось, что он спятил – проснулся и хватает воздух вокруг себя. Наверное, именно так и думал мальчик, стоящий в конце гравийной дорожки.

Ему было лет шесть или семь; матроска, синие бриджи с застежками под коленями и новенькие желтые сандалии. Рядом на дорожке брошен самокат.

– Помоги мне, – сказал Михель. – Не бойся, ничего такого... просто открой мою сумку и достань, что я скажу. Видишь, руки у меня заняты.

Повернув голову, он наблюдал, как мальчик осторожно приблизился, потянул к себе котомку, помедлил, потому что она оказалась неожиданно и опасно тяжелой.

– Я же сказал – не бойся. Там на дне такая штука... похожа на корзинку с крышкой, только маленькая. Нашел? Тогда тащи наружу и открывай крышку.

Сплетенная из гибких ивовых прутьев ловушка распахнулась, и Михель с облегченным вздохом упихал в нее свою добычу. Теперь их стало хорошо видно.

Они были размером с незрелое яблоко каждая, этикие покрытые мерцающей, серой и длинной шерстью шарики. А еще у них было по паре длинных и цепких, с острыми когтями, лап, и полные острых зубов пасти, маленькие, но вполне опасные. Сожрать человека таким тварям едва ли под силу, но и нападают на людей они не за этим.

– Кто... это?

– А?... – Михель оторвался от созерцания добычи. Три – это много, конечно, ему столько и не надо было, но не выпускать же эту дрянь обратно на волю. – Кто это, говоришь... Вот тебе мать позволяет спать на улице? Или в саду в гамаке, например? Не позволяет, я так и думал. А почему – объясняет?

Мальчишка покачал белобрысой головой.

– Вот потому и не позволяет, – сказал Михель назидательно и поднял ловушку повыше. Сидящие внутри твари сбились вместе в самую середину – как будто ивовые прутья могли причинить им боль. Конечно, так оно и было, но лучше сейчас об этом не думать.

– Смотри. Это – сноловки. Нападают на тех, кто уснет не в доме.

– Кровь сосут? – замирая от сладкого ужаса, спросил мальчик.

– Если бы они кровь сосали, вас бы всех уже на свете не было. Ты чем меня слушаешь вообще, дитя? Я же сказал – сноловки. Вы засыпаете, они приходят и пьют ваши сны. Так что слушайся мать и не спи где попало. Понял? А теперь беги.

Конечно же, он соврал. Пускай не во всем, но в мелочах точно. В существенных мелочах, но малыш все равно бы не понял.

Дети не ценят времени. Иногда кажется, что они его вообще не чувствуют. Тогда как время и есть единственное, что превыше всех сокровищ мира.

Сноловки отлично это знают. И охотятся они вовсе не за глупыми людскими снами, а за ним, за временем. И казалось бы, что там – потерять две минуты или полчаса, или даже несколько часов собственной жизни. Когда ты меряешь отпущенное тебе на годы, какое значение имеет потеря часа? И мало кто задумывается, что, к примеру, в один далеко не счастливый миг тебе может не хватить именно тех самых пяти секунд, чтобы вывернуться из-под несущегося на тебя автобуса. Или не успеть купить билет на последний поезд, который вот

сейчас въезжает на уже готовый рухнуть мост. Или обнять дорогого человека. Или сказать самые важные в жизни слова.

Кто об этом думает, когда жизнь прекрасна.

И сноловки отлично пользуются людской беззаботностью.

А еще, если заснуть вот так, на лавочке в парке или, к примеру, на летнем лугу, надолго, на пару часов, эти паршивые твари могут украсть не только ваше время. Человеческой памятью они тоже не гнушаются. И это их свойство – как раз то, зачем они нужны таким, как он, Михель Штерн.

Человек, умеющий исполнять чужие желания.

Он явился в городскую управу уже к концу дня, едва ли не за полчаса до закрытия, и еще минут десять выяснял отношения с охранником. Тот был убежден, что в управе проходимцам вроде Михеля не место, а когда узнал, что тот ищет отдел социального вспомоществования, нисколько не смягчился, а даже наоборот. И сопровождал Михеля до дверей кабинета, до той минуты, пока пожилая чиновница, которая, собственно, ему и была нужна, не махнула устало рукой: идите, мол, все в порядке.

Ничего не было в порядке, на самом деле.

Ничего.

– Не могу сказать, мейстер Штерн, что мы здесь все рады вашему визиту,

– Мне от вашей радости ни холодно, ни жарко, – сообщил он спокойно, уселся в кресло для посетителей, потянулся и налил себе из стоящего тут же графина воды. – Вы просто отметьте там у себя, что вот, прибыл, лицензию на работу мне подпишите, и я пойду. А в дискуссии о социальной справедливости и прочих тонких вещах мы вдаваться не будем. Тем более, что вы же сами видите: интересы больных, хромых и слабоумных ни в малейшей степени не страдают.

Чиновница смотрела на него с плохо скрываемым отвращением, но Михелю было ровным счетом на это наплевать. Она даже представить себе не может, сколько он перевидал таких лиц – с поджатым курьей жопкой ртом и ненавистью в тусклых глазах.

– Если бы я только могла, мейстер Штерн, однажды я сделала бы в вашей конторе заказ. Я пожелала бы, чтобы всех вас никогда больше не было на свете.

– Но к величайшему сожалению, всех ваших сбережений не хватит на то, чтобы даже взяться за дверную ручку нашего богоспасаемого заведения, – сказал Михель с притворным и от того еще более ядовитым сочувствием. Он никогда не жалел таких, как эта. Хотя бы потому, что ненависть – непродуктивна. – Но вы не отчаивайтесь. Однажды вам может повезти, и вы выиграете в лотерею. И тогда я приду к вам.

Они сидели в молчании и смотрели друг на друга. Склоняющееся к закату апрельское солнце освещало кабинет мягким рыжим светом.

– Вот ваша лицензия, – сказала чиновница наконец, доставая из ящика стола скрученную в трубку и перевязанную ярко-зеленой лентой бумагу. На ленте болталась упрятанная в кожаный футляр сургучная печать. Все как положено, с церемониями и прочими танцами с бубном. – Вашу... клиентку зовут Марта Леманн, Раттенштрассе, дом восемь. Я прошу вас – будьте милосердны.

Глава 2

Эту улицу назвали Крысиной не потому, что здесь от серого воинства негде ступить, понял он, едва завернув за угол. Обочины улицы Раттенштрассе, стволы деревьев, фонарные столбы – все густо заплетено было мышиным горошком. Мелкие сине-розовые цветы светились в темной зелени, и Михель сперва удивился — середина мая, и вроде бы не ко времени, – а потом и забыл. Мало ли чудес бывает на свете.

В черной воде канала отражались поросшие зеленой травой берега; по сторонам стояли хорошенькие, будто пряничные, домики с черепичными крышами, с цветочными горшками на окнах и у аккуратных крылечек. Домики утопали в садах. Яблони, вишни и сливы, и все это цветет, белым, розовым, сияющим, и летят по ветру лепестки, плывут по черной воде канала. Утки толкуются у бережков, мальчишки с удочками, невзирая на поздний час, сидят на горбом мостике.

Идиллия, да и только.

В эту часть города не доносились ни звуки трамваев с бульвара, ни прочий городской шум. Казалось, эту улицу вынули целиком из какой-нибудь сказки, взяли бережно на ладонь и перенесли сюда. Чтобы он, Михель Штерн, увидел – и замер с открытым ртом.

Но он слишком много повидал и разучился удивляться. К тому же, он всегда смотрел на вещи трезво, и цепкий взгляд невольно выхватывал подгнившие балки стропил, пятна плесени и дождевые потеки на стенах домов, тусклые стекла, яблоневые ветки, которые давно следовало бы спилить... приметы бедности и запустения бесчисленны, если уметь их замечать.

Или это просто наступающие сумерки?

Он побродил возле дома Марты Леманн, его будущей клиентки, поглядел в окна – они были занавешены такими плотными гардинами, что разглядеть ничего внутри было невозможно, несмотря на уже зажженные в комнатах лампы. Еще Михель попытался познакомиться с местным кошкой. Кошак был рыж и нагл, с ободраным правым ухом, и на все предложения Михеля свести знакомство поближе только зыркал зеленющими глазами и презрительно дергал хвостом. Явно чуял, что именно спрятано в сумке. Впрочем, содержимое сумки горячего желания подружиться тоже не изъясляло.

Сноловки и коты – звучит еще нелепее, чем коты и мыши. Ну еще бы, как он мог забыть.

Михель вернулся сюда утром, таким же ярким и прозрачным, как весь вчерашний день. И кошак обшипел его, сидя на столбике ворот, а яблони, когда он проходил по дорожке к дому, осыпали водопадом ледяных капель. У капель был странный горьковато-сладкий вкус.

Дверь открыла женщина средних лет, в простом клетчатом платье и льняном фартуке. Забранные на затылке в пучок темно-русые волосы, невыразительное лицо, с которого будто вытерли влажной губкой все краски.

– Марта Леманн – это вы?

– Это моя дочь. Это она выиграла. Проходите, – сказала женщина и отступила назад, в глубину прихожей, прижимая руку к груди, как будто Михель был почтальоном, принесшим дурную весть.

Михель переступил порог. Вчерашний кошак шмыгнул между ног, унесся вверх по лестнице. Сноловки в ивовой плетенке, упрятанные на самое дно сумки, возились и едва слышно попискивали. Беспokoились. Или были просто голодны.

– Ее комната наверху, она вас ждет. Мейстер ловчий...

– Меня зовут Штерн, – не оборачиваясь, сказал он.

– Позвольте мне спросить, мейстер Штерн...

– О желаниях вашей дочери я буду разговаривать только с ней. И не сомневайтесь, любое ее желание будет исполнено. Даже если она пожелает прыгнуть с крыши и свернуть себе шею.

– О нет, мейстер Штерн, – она слабо улыбнулась и покачала головой. Как будто хотела ему показать: дочь ее умница, таких глупостей ей и в голову не придет. – Я не об этом.

– О чем же тогда, мистрис?

Они стояли в дверном проеме, таком тесном, что Михель ощущал на своем лице дыхание женщины. Оно пахло яблоками.

Яблоками, черт его побери совсем.

Он уперся в косяки руками и наклонился к ней – так близко, что если бы они были не одни, любой назвал бы это непристойным.

– Говорят, мейстер Штерн, что потом они... становятся не такими. Совсем другими. Совсем, мейстер, поймите меня.

– Я... понимаю.

– И как я буду жить после этого?!!

Сноловки в ивовой плетенке, упрятанные на самое дно сумки, возились и едва слышно попискивали. Беспokoились. Или были просто голодны.

– Не тревожьтесь, – сказал он, поддергивая сумку. Удавить бы этих тварей, бросить все к дьяволу, уйти из этого дома, уехать из города и навсегда забыть все то, чем он занимался последние несколько лет. – У вас все будет хорошо. Вы даже не вспомните, что так волновались.

– Здравствуй. Тебя зовут Марта Леманн?

– Да, мейстер.

– Ты знаешь, кто я такой и почему я здесь?

– Конечно, мейстер.

– У тебя есть сокровенное желание?

Она молчит и опускает глаза. Голубоватые, почти прозрачные веки с длинными рыжеватыми ресницами.

Марте Леманн пятнадцать лет. Угловатый некрасивый подросток: бледное лицо с неправильными чертами и россыпью крупных ярких веснушек. Мышиного цвета волосы, заплетенные на висках в две жидкие косицы. Нелепо торчащие острые ключицы и лопатки, как рудименты крыльев; строгое платье с плюеным воротничком не в силах спрятать изъяны фигуры.

Одного взгляда на Марту Леманн достаточно, чтобы понять: этот гадкий утенок никогда, ни при каком раскладе не превратится не то что в лебедя – даже пристойной утки из нее не выйдет.

Наверное, хочет сделаться красавицей. Или чтобы какой-нибудь мальчик с соседней улицы вдруг влюбился. Или чтобы мать не была к ней так строга. Такие желания – пустяк, не сложнее щелчка пальцами.

Скучно.

Марта Леманн молчала и комкала в пальцах подол платья. Михель не торопил: не так-то легко признаться постороннему человеку в самой жгучей тайне. Надо быть снисходительным, тем более, что это ему ничего не стоит.

Скромная девичья комнатка. Узкая кровать, застеленная белым тиковым покрывалом. Вышитая накидка на подушке: незабудки и мята. У окна письменный стол, этажерка с книгами в углу. Справа всю стену занимают старинные, орехового дерева, клавикорды. С тяжелыми серебряными подсвечниками, с резной подставкой для ног, с потемневшими от времени костяными накладками клавиш.

– Позвольте спросить, мейстер.

– Спрашивай.

– Как вы это делаете? Разве можно вот так, просто, взять и исполнить любое человеческое желание? Даже самое невероятное. Я ни разу не слышала, чтобы... хоть кому-нибудь отказали.

– Ты боишься?

– Нет. Просто я хочу знать.

Михель улыбнулся.

– Позволь, я сяду?

Он подтащил поближе к кровати, на которой сидела Марта, стул, уселся верхом, положив на гнутую спинку руки. Поглядел девочке в лицо. Пожалуй, врет: вон как веснушки побледнели. Наверное, она бы рада отказаться от всех этих приключений. Но правила есть правила.

Раз в год каждый крупный город – с прилегающими деревнями, хуторами и поселочками – разыгрывает между всеми без исключения жителями вот этот единственный шанс. Потому что богатые могут купить исполнение желаний за деньги – страшно сказать, за какие! – и с социальной справедливостью в этом случае бывает туго. А так все равны перед неизбежным счастьем. А потом приходят такие, как Михель.

Он порылся в сумке и извлек на свет божий пузырек из радужного стекла. Отвинтил пробку, к которой была приделана стеклянная трубка. В кольцо, которым она заканчивалась, дрожала и переливалась мыльная пленка.

Михель подул, и по комнате, искрясь в солнечном свете, поплыли мыльные пузыри. Марта смотрела завороченно. Тогда он подул сильнее, и пузыри полетели один за другим, сливаясь друг с другом, лопааясь с тихим шипением, оседая радужными пятнами на чистых полицах, на покрывале постели, на руках и на лице. Волшебство, да и только.

– Смотри, – сказал Михель, протягивая девочке на ладони два слипшихся между собой пузыря. – И попытайся представить, что вот это – тот мир, в котором ты живешь. А рядом с ним еще один. Точно такой же. И неуловимо другой. Их отделяет друг от друга вот эта тонюсенькая мыльная пленочка. И все. И таких пузырей... сколько угодно. Столько, сколько я смогу выдуть из этой соломинки. И если ты несчастлива в одном из миров, наверняка найдется такой, в котором все по-другому. Там все точно такое же, как здесь – твой дом, твои родители. За малым исключением. Там ты – красавица. Ты же этого хочешь, да?

– Нет, – сказала Марта Леманн и с силой дунула на ладонь. Мыльные брызги разлетелись в стороны. – Мама хочет, чтобы я стала пианисткой. А я... а у меня нет слуха. Вообще. Совсем. И она переживает. Очень, ужасно. Я так виновата перед ней, и ничего не могу исправить, а она думает, что я просто мало занимаюсь.

– И все? – спросил он, пораженный. Уже заранее понимая, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– И все. Это можно?

– Можно, – сказал Михель. – Если это и есть твое самое сокровенное желание, то конечно, можно.

– Тогда исполняйте.

– Сядь прямо и закрой глаза, – велел он.

Когда он вернулся, был золотой полдень.

Только что прошел дождь, кругом стояли лужи, обметанные по краям желто-зеленой пылью. Михель толкнул незапертую калитку, прошел по дорожке к дому, но на крыльцо подниматься не стал. Заглянул в оконце веранды, увидел распахнутую дверь в комнаты – солнечно, пусто и удивительно чисто, словно только что вымыли полы.

Точно за покойником, сказал где-то внутри ледяной отчетливый голос. И это было настолько похоже на правду, что Михеля передернуло. Неправда, возразил он сам себе, это неправда. Марта Леманн жива и здорова, наделена абсолютным слухом, вниманием и любовью матери и наверняка счастлива.

Просто теперь уже – не здесь. А здесь осталась какая-то другая Марта, бледная копия, неуловимо... непоправимо другая. Изменения могут отследить только близкие люди, да и то не все. Особенно после того, как пообщаются со сноловками.

И слава богу. Хватит с него трагедий.

Мистрис Леманн он нашел в саду. На пяточке между свежесбеленных яблоневых стволов были сложены стожком сухие ветки, прошлогодняя листва, выполотый с грядок бурьян. Мать Марты сидела перед будущим костром на корточках, рвала газетные листы. Потом попыталась поджечь – несколько раз, но сырой ветер гасил спички одну за другой. Тогда женщина поднялась, отряхнула о бедра пыльные руки и пошла в сарай. Было слышно, как там в глубине глухо плеснула жидкость в жестяной канистре, запахло керосином. Спятила она, что ли? Или решила спалить сарай вместе с собой?

– Мистрис Леманн?

Кругом стояла золотая, пробитая солнечными точками тьма. Перед глазами плыли пятна. Остро воняло керосином.

Мистрис Леманн сидела справа от двери на укрытой каким-то старым тряпьем поленнице, откинувшись затылком к стене, и на лице ее блуждала странная, восторженная улыбка.

Она спала.

Ничего лучшего придумать было бы невозможно.

Стоя на пороге, Михель вынул из сумки ивовую ловушку, перерезал ножом прутики, удерживающие, вместо замков, крышку. Сноловки замерли и не шевелились. Он едва мог разглядеть их в ярком солнечном свете.

Трех, пожалуй, будет многовато, подумал он. Но не отпускать же одну, допустим, на волю. Не затем он ее ловил. А оставить в клетке – сдохнет от голода, жалко.

Придунок, господи, какой же ты идиот, опять сказал в голове тот же самый холодный и язвительный голос. Чертовых тварей тебе жалко, а человека, выходит, нет.

Нет, не жалко! Нисколько!! Ни единой секунды. Подавитесь вы все этой жалостью, забейте ее всю себе, хлебайте досыта. Почему он должен жалеть эту несчастную дуру, которой в детстве строгие родители не разрешили даже смотреть в сторону музыкальной шкатулки, подаренной прабабке на свадьбу. Или поскупившиеся платить за уроки игры на фортепиано – ни к чему это, не барыня, проживет и так.

Они так решили – и оказались правы. Аманда Леманн, в девичестве Зиссер, действительно «прожила и так». Ничего страшного. Только дочери своей сломала жизнь, а в остальном – все как у людей.

Он выпустил сноловку и еще несколько секунд смотрел, как они осматриваются, встряхивают слезавшуюся от долгого заточения шерсть, потом скользят по земляному полу на длинных тонких лапах...

Когда они взобрались Аманде Леманн на колени, Михель закрыл дверь.

Сколько раз, сколько раз... и у него всегда недостает сил смотреть на это.

Прошлогодняя трава горела неохотно, вяло, тянулась сизая струйка дыма, тлел в глубине кострища крохотный огонек. Пахло сырой землей и известковой побелкой, крючковатые ветки яблонь тянулись параллельно земле, летели в разрыхленные грядки розовые лепестки цветени.

Он сидел на земле и лениво ворошил палкой ветки в костре. Иногда вскидывал голову и смотрел на небо. Небо морщилось облаками, которые медленно, очень медленно превращались из белой пены в клочковатые тучи. Дождь будет. Вот уже и первые капли упали на подставленную ладонь.

Михель не услышал, как открылась дверь сарая и на пороге показалась Аманда Леманн. Растрепанная, с пятнами румянца на щеках, недоуменно глядящая из-под ладони на весенний сад. Наверное, в молодости она была даже красива, подумал Михель и поднялся.

– Мистрис?

– Вы кто? – спросила она. – И что вы делаете у меня во дворе? Я вас знаю?

– Простите, мистрис, – сказал он. – Конечно же, нет. Мы не знакомы. Просто я шел, смотрю – огонь без присмотра. А если на дом перекинется? Все-таки опасно...

Аманда Леманн потеряла ладонью лоб. С удивлением поглядела на свою руку в холщовой рукавице.

– Я задремала, – проговорила она. Скорей растерянно, чем желая оправдаться. Как будто убеждала себя саму, что именно так все и получилось. – Наверное, голову напекло. Знаете это весеннее солнце... Я должна вам денег за услугу?

Михель вскинул на плечо свою сумку. Как жаль. От этих сноловок, судя по всему, придется отказаться. Не выдумывать же, в самом деле, повод заглянуть в чужой сарай.

У калитки он столкнулся с Мартой Леманн, и та скользнула по его лицу равнодушным взглядом. Как будто они никогда не встречались.

– Марта? – окликнула ее мать. – Ты собираешься простоять у калитки до вечера? Марш обедать и заниматься.

Глупо думать, что можно что-то изменить, сказал он себе. Глупо, самонадеянно и постыдно. Как вообще постыдна любая явленная на всеобщее обозрение слабость. Ничего и никогда не меняется, а люди в особенности. Ты можешь подарить каждому из них сотню возможностей, счастье пригоршнями – то есть не счастье, конечно, а только то, что они сами готовы считать таковым. Они все возьмут и, наверное, даже сумеют быть благодарными.

Но не смей думать, что эти дары помогут что-то изменить.

Из окна на втором этаже донеслась музыка. Неумелая ученическая игра, господи, помоги человеку, который способен так терзать клавикорды.

– Бестолочь, – вклинился между двумя неверно взятыми аккордами голос Аманды Леманн. – На полтона ниже, неужели ты сама не слышишь? Что случилось, Марта? Даже вчера ты играла лучше!.. И руку, руку держи!.. Ты никогда не сумеешь сделать это как следует.

Через две недели, когда Михель вернулся в этот город, потому что так полагалось по протоколу, он нашел дом опечатанным. Словоохотливая соседка, беспрестанно всхлипывая и утирая глаза кружевным платочком, рассказала ему, что Аманда Леманн позавчера умерла в муниципальной больнице. Что случилось? В жандармерии сказали – несчастный случай, упала с лестницы. Может, и правда упала, кто теперь разберет, да и какая разница, как оно там на самом деле было.

Марту забрали в приют.

Тем же вечером он снял номер в привокзальной грязной гостиничке и напился – до беспомыслия, наверное, впервые за все то время, что занимался этой чертовой, проклятой, безнадёжной работой.

Глава 3

Сквозь сон он слышал звуки чужих шагов – просто шлепанье босых легких ног по половицам, стук дна глиняной кружки о столешницу, плеск наливаемого молока; он помнил, что вчера кельнерка принесла ему в номер целый кувшин и с глупым хихиканьем сообщила, что это теперь не надо, а завтра еще как пригодится, – слышал скрип оконной створки, шорох дождя по подоконнику. Звуки проникали в сознание осторожно, будто крадучись. Как если бы они были живыми и боялись потревожить его непрочный, болезненный сон.

Невыносимо болела голова.

Потом он почувствовал царапанье острых коготков по постели, по скомканным простыням, выше и выше, осторожное дыхание маленькой хищной твари у самого уха, и наконец – острый, мгновенный, как у ядовитой змеи, укус в шею.

Прихлопнул ладонью, все еще пребывая в полусонной надежде на то, что это просто комариный укус, ожидая почувствовать под пальцами противную мокрую каплю... ладонь натолкнулась на жесткую шерсть.

Даже с похмелья он мог отлично проделывать все, чему его когда-то научили.

В пасмурном свете дня пойманная им сноровка была хорошо видна. Похожее на кривоветый шерстяной мячик тельце, длинные лапы-веточки... скалилась почти у самого лица пасть, полная по-мышьиному мелких зубов. Передние резцы были красны. С внезапно подступившим отвращением Михель осознал, что это – его собственная кровь.

Черт подери. Он запер ловушку. Он довел эту привычку до полного автоматизма – в любом состоянии проверять запоры перед тем, чем лечь спать. Вчера, прежде чем выбить пробку из первой бутылки, он пошел и проверил – ловушка была заперта надежно, все ремни целы, сидящие внутри три зубастых твари смотрели в щели между ивовыми прутьями несчастными глазами и никуда не рвались. Им было больно и голодно. Тогда Михель еще подумал, что, наверное, они так и подохнут тут, потому что взять следующий заказ у него просто не хватит сил.

Сноровка дергалась в его руке, щелкала зубами. Разжать пальцы, выпустить ее сейчас на свободу – одному богу известно, каких бед она может натворить. Тут куском сожранной памяти не обойдешься... придется вставать, искать клетку, запирать... как славно было бы, перестань хоть на самый короткий миг болеть голова.

– Охота мучить зверушку, – сказал где-то совсем рядом насмешливый женский голос. Низкий, с едва уловимой хрипотцой, которая бывает от крепкого, совсем не дамского, табака. Почему-то про такие голоса говорят – «коньячный». – Отпусти.

– Кое-кто уже отпустил, – сказал Михель. В глаз будто воткнули раскаленный штырь и медленно проворачивали, дожидаясь, наверное, пока он проломит изнутри затылок. – Кое-кто уже постарался, и, мне кажется, достаточно. Может быть, ты все-таки выйдешь на свет божий? – спросил он, отчетливо понимая, что на самом деле видеть эту женщину ему совсем не хочется.

Ее звали Матильда Штальмайер. Платиновые волосы, фарфоровое личико безмозглой куклы, маленький розовый рот, похожие на два осколка зеленого льда глаза, нежные пальцы, узкие запястья... с ума сойти. Он увидел ее впервые, когда пришел устраиваться в эту чертову контору. Сперва он долго блуждал по пустым коридорам, в наполненной странными шорохами и капаньем воды полутьме, а потом толкнул наугад какую-то дверь – и оказался в лаборатории, посреди хищного блеска стекла и стали, и там увидел ее – в полосатом миткалевом платье, обвязанном грубым передником поверх корсажа, с хирургическом скальпелем в тонких пальчиках. На цинковой доске лабораторного стола перед Матильдой лежал вскрытый трупик странного зверька – уже потом Михель узнал, что так выглядят сноровки. Шерстяные шарики,

совершенно полые внутри. Комки меха с иглами-зубами, созданные только затем, чтобы половчее и как можно менее безболезненно вынуть из тебя душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.